

Аверьянова Алёна Евгеньевна, студент,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Кривенцева Светлана Михайловна,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА, СЕМЬИ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация. В настоящей статье исследуется сложная взаимосвязь между нравственным состоянием общества, институтом семьи и уровнем преступности. Автор утверждает, что преступность как социальное явление не может быть адекватно понята вне контекста морального климата, в котором она возникает.

Ключевые слова: Нравственное состояние общества, институт семьи, преступность, моральная социализация, социальная аномия, девиантное поведение, ценности, криминология.

Проблема преступности на протяжении веков остается одной из самых острых и болезненных для любого социума. Традиционные подходы к ее объяснению и противодействию чаще всего фокусируются на экономических детерминантах, эффективности правоохранительных систем и суровости наказаний. Однако эти факторы, будучи важными, зачастую игнорируют более глубокий, фундаментальный пласт – нравственное состояние общества, ту систему моральных координат, в которой формируется и действует личность. Преступление – это не только нарушение юридической нормы; это прежде всего акт глубокого морального выбора, результат конфликта между личными интересами, групповыми нормами и общественными идеалами добра и зла. Поэтому анализ преступности неизбежно выводит исследователя на вопросы о качестве морального климата, о здоровье тех социальных институтов, которые ответственны за трансляцию и укоренение норм. Центральное место среди этих институтов занимает семья – первичная клеточка общества, где закладывается первооснова нравственного сознания человека.

Под «нравственным состоянием общества» мы понимаем не просто сумму индивидуальных моральных качеств его членов, а целостный, объективный социальный факт, по выражению Эмиля Дюркгейма. Это система разделяемых (или не разделяемых) ценностей, моральных норм, этических идеалов и поведенческих паттернов, которые обладают принудительной силой по отношению к индивиду. Нравственное состояние проявляется в уровне социального доверия, в солидарности, в готовности к взаимопомощи, в отношении к закону не как к внешнему запрету, а как к внутренней необходимости. Оно формируется исторически, под влиянием религии, культуры, идеологии и повседневной социальной практики.

Семья, в рамках данного анализа, рассматривается как первичная группа и социальный институт, чья основная функция заключается в биологическом и социальном воспроизводстве, а ключевая задача – первичная социализация нового поколения. Именно в семье ребенок впервые сталкивается с понятиями «можно» и «нельзя», «хорошо» и «плохо». Семья транслирует не только явные правила, но и неявные, скрытые учебные планы – модели взаимоотношений, способы разрешения конфликтов, отношение к страданию и радости других. Нравственный микроклимат семьи – это та питательная среда, в которой либо вызревает уважение к нормам и способность к самоограничению, либо формируются предпосылки для их отрицания.

Преступность, в свою очередь, трактуется не как совокупность отдельных правонарушений, а как социальное явление, показатель дисфункции социальной системы. Классическая теория аномии Роберта Мертона показывает, что преступность возникает в ситуации разрыва между общественно одобряемыми целями (например, материальный успех) и легитимными средствами их достижения, доступными для всех слоев населения. Когда законные каналы социальной мобильности блокированы, а давление в сторону успеха велико, индивид может обратиться к инновационным, в том числе противоправным, средствам. Однако сама эта ситуация есть следствие определенного нравственного выбора общества, возводящего те или иные цели в ранг абсолютных.

Современное глобализированное общество характеризуется глубокой амбивалентностью в нравственной сфере. С одной стороны, наблюдается беспрецедентное расширение круга моральной ответственности: признаются права человека, ценность толерантности, экологическая этика. С другой стороны, эти прогрессивные тенденции зачастую соседствуют с симптомами глубокого кризиса. Наиболее ярким проявлением этого кризиса является социальная аномия – состояние ценностно-нормативного вакуума, когда старые традиционные нормы утрачивают силу, а новые не успевают сформироваться или носят фрагментарный характер. В условиях аномии индивид теряет четкие моральные ориентиры, что порождает чувство растерянности, экзистенциальной тревоги и, как следствие, может вести к девиантному поведению как способу компенсации. «Когда общество переживает болезненный кризис или, наоборот, слишком резкие и внезапные преобразования, – писал Эмиль Дюркгейм, – его способность воздействовать на людей изменяется... Отсюда – внезапный рост числа самоубийств и, как мы можем предположить, преступлений».

Другим ключевым вызовом является ценностный релятивизм и потребительский гедонизм. Доминирующая в массовой культуре установка на немедленное удовлетворение желаний, культ успеха, измеряемого материальными благами, и идея о том, что «все дозволено», если этого хочет индивид, подрывают основы альтруизма, долга и самоограничения. Нравственность все чаще воспринимается как личное дело каждого, а не как общественный договор. Такая атмосфера создает благоприятную почву для инструментального отношения к другим людям как к средствам для достижения собственных целей, что является психологической предпосылкой для многих видов преступлений, от мошенничества до насилия.

Цифровизация добавила новые измерения этой проблеме. Виртуальное пространство, характеризующееся анонимностью и дистантностью, часто становится зоной моральной безответственности, где стираются последствия действий, а хамство, травля и агрессия могут восприниматься как норма. Это формирует у молодого поколения, в частности, искаженные представления о границах допустимого, которые затем могут проецироваться на реальные социальные взаимодействия.

Все эти общественные тенденции оказывают прямое и непосредственное давление на институт семьи, который вынужден либо противостоять им, либо пассивно усваивать, тем самым утрачивая свою основную воспитательную функцию.

Семья является критически важным буфером между аномийными процессами в макросоциуме и индивидуальной психикой. В здоровой, функциональной семье ребенок усваивает не просто набор правил, а внутреннюю логику нравственности – способность к эмпатии, чувство справедливости, умение отличать подлинные ценности от сиюминутных соблазнов. Родительская любовь и дисциплина, не переходящая в тиранию, создают безопасную среду для формирования прочной, неконфликтной идентичности и устойчивой самооценки, что само по себе является мощным защитным фактором против криминальных влияний извне.

Однако способность семьи выполнять эту роль напрямую зависит от ее собственной нравственной и структурной целостности. Дезорганизация семьи – будь то вследствие конфликта, развода, алкоголизации родителей, эмоциональной холодности или гиперопеки – ведет к сбою в процессе моральной социализации. В таких условиях у ребенка может не сложиться надежная привязанность, что в будущем коррелирует с трудностями в построении доверительных отношений и низким уровнем социального контроля. Он может усвоить деструктивные модели поведения (агрессию, манипулятивность) как нормальные. Как отмечает современный социолог Джеймс К. Уилсон, «моральное воспитание происходит не через слова, а через практику повседневной жизни в семье, где дети наблюдают, как взрослые ведут себя друг с другом и с миром».

Особую опасность представляет ситуация, когда семья сама становится агентом криминальной субкультуры. В семьях, где противоправная деятельность (воровство, мошенничество, насилие) является обыденной практикой или даже источником дохода и гордости, происходит прямая трансляция антиобщественных норм. Преступление в таком контексте перестает быть табуированным поступком и становится семейным ремеслом или способом решения проблем. Разорвать этот порочный круг невероятно сложно, так как альтернативные модели поведения просто неизвестны или осмеяны.

Таким образом, семья может выступать как мощнейшим источником нравственного иммунитета против преступности, так и, в случае своей дисфункции, ее инкубатором и передаточным звеном.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что связь между нравственным состоянием общества, семьей и преступностью носит системный, диалектический и причинно-следственный характер. Преступность является не только юридическим или социально-экономическим, но в первую очередь моральным феноменом. Она коренится в дефектах нравственной социализации, первичным агентом которой выступает семья. В свою очередь, жизнеспособность семьи и ее способность выполнять свою воспитательную миссию напрямую зависят от того морального климата, который господствует в обществе в целом.

Общество, переживающее ценностный кризис, аномию и культивирующее потребительский индивидуализм, неизбежно ослабляет свои защитные механизмы, делая себя уязвимым для криминализации. Семья в таком обществе либо героически пытается противостоять разрушительным тенденциям, часто оказываясь в положении социального аутсайдера, либо сама интериоризирует эти тенденции, продуцируя новых носителей девиантных установок. Разорвать этот порочный круг исключительно полицейскими методами невозможно.

Требуется сознательная, долгосрочная политика «нравственной гигиены» общества, центром которой должно стать всемерное укрепление института семьи. Это означает не возврат к архаичным патриархальным моделям, а создание современных условий для того, чтобы семья могла выполнять свою ключевую функцию – воспитание нравственно ответственной, социально интегрированной личности. Инвестиции в семью, в родительство, в культуру диалога и взаимного уважения являются самыми эффективными, хотя и не быстрыми, инвестициями в безопасность и устойчивое развитие общества. Как мудро заметил Ф.М. Достоевский устами одного из своих героев, «если Бога нет, то все дозволено». В секулярном обществе эту роль «ограничителя вседозволенности» должны взять на себя не страх перед наказанием, а прочно усвоенные в семье нравственные принципы и крепкие социальные связи. Без этого фундамента любые правовые и силовые конструкции останутся шаткими, неспособными противостоять темной стороне человеческой природы, всегда готовой вырваться наружу в условиях морального вакуума.

Список литературы:

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299-313.
3. Уилсон, Дж.К., Херрнстайн, Р. Преступность и человеческая природа / Дж.К. Уилсон, Р. Херрнстайн. – М.: Мысль, 2018. – 608 с.
4. Антонян, Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2014. – 448 с.
5. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. – 528 с.

